

Э
Л гуарг
ИМОHOB

русское психо

Публицистический роман

Эдуард Лимонов

Русское психо

«Питер»

2018

УДК 821.161.1
ББК 84(2=Р)6

Лимонов Э. В.

Русское психо / Э. В. Лимонов — «Питер»,
2018 — (Публицистический роман)

ISBN 978-5-4461-0817-6

Написанные в тюрьме Лефортово тексты Эдуарда Лимонова – особый жанр литературы, не поддающийся определению. Мемуары, политический трактат, эссе о культуре и экономике. Автор наблюдает за эпохой, рассуждает об эстетике мусора, тюремных буднях и жизни в эмиграции. В этой книге Лимонов – активный общественный деятель объединился с Лимоновым-писателем и создал уникальный каталог своего яркого жизненного опыта. Книга публикуется в авторской редакции.

УДК 821.161.1

ББК 84(2=Р)6

ISBN 978-5-4461-0817-6

© Лимонов Э. В., 2018

© Питер, 2018

Содержание

Беглый солдат	6
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Эдуард Лимонов

Русское психо

© ООО Издательство «Питер», 2018

© Серия «Публицистический роман», 2018

* * *

Беглый солдат

«Военная прокуратура Ставропольского края возбудила уголовное дело в отношении дезертира Алексея Хозеева, который сбежал с автоматом 13 февраля из подразделения внутренних войск в Зеленокумске на Ставрополье. Беглец до сих пор не найден. Ему инкриминируются дезертирство и убийство: следователи считают, что именно он застрелил двух военнослужащих из Моздока, найденных убитыми в тот вечер, когда Хозеев бежал из части. Предполагается также, что в Георгиевском районе дезертир обстрелял из автомата сотрудника милиции. Рядом с телами убитых военнослужащих и в том месте, где велась стрельба по милиционеру, обнаружены гильзы от одного и того же автомата, который числится за Алексеем Хозеевым. Вчера поиски дезертира возобновились. В них принимают участие свыше 1200 военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов Ставрополья».

«Коммерсант» 22.02.2002 г.

«В Читинской области задержан солдат, с оружием сбежавший из части. 19-летний рядовой Иван Саксаев покинул свой пост в расположении части близ станции Степь, Оловенинского района Читинской области вчера в 5.40 утра. При себе он имел карабин СКС с 30 патронами калибра 7,62 мм. При задержании беглец сопротивления не оказал. Оружие возвращено в воинскую часть».

«Коммерсант» 27.02.2002 г.

«Около часа ночи на четверг в Ставропольском крае покинул свою часть военнослужащий Железноводского погранотряда Северо-Кавказского регионального управления Федеральной пограничной службы. Рядовой Александр Лягинов, призванный на службу весной 2001 года из Кемерово, ушёл со своего поста в карауле с автоматом АК-74, патронами и штык-ножом. В регионе был введён в действие план по задержанию беглеца “Кольцо”. Розыск, в котором участвовали несколько поисковых групп пограничников и милиции, вчера завершился успехом. При задержании рядовой сопротивления не оказал».

«Коммерсант» 01.03.2002 г.

«Вчера в Хабаровском крае был задержан рядовой Алексей Минаильченко, который в октябре 2001 года самовольно покинул часть. Задержанного обвиняют в жестоком убийстве трёх женщин. Заполночь сотрудники уголовного розыска города Николаевска-на-Амуре задержали по подозрению в убийстве 20-летнего Алексея Минаильченко – рядового срочной службы, призванного в армию в июне 2001 года. Он служил в одной из воинских частей у села Князе-Волконское Хабаровского района края, но в октябре самовольно покинул часть <...>»

«Коммерсант» 11.03.2002 г.

«Вчера из воинской части, расквартированной в городе Партизанск (Приморский край), сбежал солдат Аркадий Муратов. С собой он взял автомат с двумя магазинами и штык-нож <...> Аркадий Муратов, 1983 года рождения, был призван на военную службу около года назад из села Большие Ключи Алтайского края. Накануне побега солдат приступил к охране склада горюче-смазочных материалов своей части железнодорожных войск, дислоцированной в Партизанске <...> На юге Приморья был введён план “Сирена”. В поисках участвуют более 200 милиционеров и военнослужащих. Они проверяют машины на всех дорогах, ведущих к Партизанску, и прочёсывают окрестности города. Вчера УВД Приморья по телевидению обратилось к жителям края с просьбой соблюдать осторожность и сообщило приметы беглеца: ази-

атский тип лица, средний рост, чёрные волосы, сильный акцент. Однако пока принятые меры результатов не дали».

«Коммерсант» 15.03.2002 г.

Залезши на синюю чекистскую шконку это я невнимательно вырвал из «Коммерсантов» клочки новостей, касающиеся беглых солдат. Я наверняка пропустил ещё публикации (через глазок на меня смотрел чекистский глаз и его палец), многое пропустил или не знал и «Коммерсант». Но впечатляет и то, что есть... Каждые несколько дней бегут ребята. Побег российских солдат из воинских частей стали явлением обыкновенным. И мы ещё узнаём наверняка о какой-нибудь десятой части случаев. Ведь сколько побегов командиры пытаются скрыть, замять; справиться, как с пожаром, своими силами. По всей, до сих пор ещё необъятной России, бегут куда-то солдатики. Ещё недавно бежали безоружными, теперь обязательным стал обычай прихватывать с собою обязательно автомат и боеприпасы к нему. Бегут уже и не одиночки, но и по двое, и по трое.

3 февраля 2002 года случился побег, который в какой-нибудь Америке уже был бы воспет Голливудом, но так как у нас страна напрочь бесчувственная, так и не воспет. Вечером 3 февраля двое солдат десантников 31-й Ульяновской бригады ВДВ, младший сержант Алмаз Шагеев и рядовой Михаил Сухоруков, сбежали вооружённые двумя автоматами, прихватив десяток магазинов с патронами, облачённые в бронежилеты. На свободе ребята пробыли меньше двух суток, всё время двигались в сторону соседней республики Татарстан, откуда татарин Шагеев был призван. По дороге беглые десантники перестреляли десять человек, всех насмерть; что говорит об их хорошей боевой подготовке (шестеро из убитых были милиционеры). Кончилось тем, что Сухоруков застрелил тяжелораненого Шагеева, поел напоследок в чьей-то крестьянской избе и застрелился, выстреляв боезапас.

Глупое российское общество пялит очи на повальные солдатские бегства и обычно объясняет этот феномен другим – феноменом «дедовщины». На канцелярском, деревянном жаргоне военной прокуратуры, – «неуставные отношения». В последнем случае (да и во многих случаях) такое объяснение не работает – Шагеев и Сухоруков сами были «дедами». А сам феномен «дедовщины» – как объяснить? Генералитет и пресса тогда раструбили на всю страну в марте, что «голубые береты», мол, крепко выпили на дежурстве. Возможно, и выпили, и крепко, но выпивка была лишь элементом ситуации. Обычно, выпив, не напяливают на себя тяжёлый бронежилет и не грузятся ещё более тяжёлыми боеприпасами, а либо спят, либо морды квасят в кровь налегке. Почему же бежали? «К каждому солдату офицера не приставишь», – командующий ВДВ Георгий Шпак. Некий, пожелавший остаться неизвестным, старший офицер штаба войск: «Из-за трудностей с набором призывников в армию, а следовательно, и в десантные войска, попадает всякое отребье. Поэтому псих, наркоман, алкоголик или уголовник в голубом берете сегодня, к сожалению, не редкость. Обычно со временем мы, конечно, выявляем таких людей, но пока идут запросы, солдат уже успевает принять присягу. Что с ним делать? Не обратно же отправлять? Да и с младших командиров какой спрос? лейтенант, получающий 1800 рублей в месяц, думает не о том, как перевоспитать солдат, а о том, как семью накормить. “Прапора” в ротах вообще не бывают – они, как правило, отираются где-то поближе к кормушке: в столовых или на складах. А сержант – он сам такой же, как Шагеев и Сухоруков. Вот и думайте, какая тут может быть воспитательная работа. Единственная мера – отобрать у них оружие». Между тем, все эти сетования на низкое качество человеческого материала звучат крайне банально, да ещё соединённые с уверенностью, что за 1800 в месяц офицер имеет право не «перевоспитывать» солдат. Шагеев и Сухоруков, однако, как выяснилось со слов сослуживцев, говорили в части, что хотели бы работать на ОПГ, мол, умение есть солдатское, хорошо бы его продать хорошо, своё профессиональное умение.

От современности, чтобы затем увидеть её посвежевшим глазом, сделаем прыжок в прошлое, во вторую половину, аж 18 века. Известно, что когда Екатерина в 1762 году свергла своего мужа Петра и объявила себя императрицей, во множестве на Руси вдруг появилось самозванцев, выдававших себя за Петра III. Кто были эти люди, которым удалось поднимать восстания? А в большинстве своём то были беглые солдаты.

Беглый солдат Брянского пехотного полка Пётр Чернышов возмутил народ в 1762 году, в конце года, в селе Купенки, Изюмского уезда. Беглый рядовой Орловского Лант-Милицейского полка Гаврила Кремнёв возмутил народ в начале 1765 года в Умянском уезде. Ещё одним Петром III был беглый солдат Мамыкин (И всё. Больше данных о нём у меня нет, о Мамыкине). Позднее появился беглый казак Пугачёв. Но и он ведь был фактически беглым опытным солдатом, старослужащим казачьего войска. Ветеран Семилетней войны в Европе, он участвовал в походе в Пруссию, потом в Польшу. В 1768 году пошёл воевать с турками, участвовал во многих сражениях, в том числе и в осаде города Бендеры (современное Приднестровье, где я был в войну 1992 года и наблюдал трагедию подполковника Костенко). С турками Пугачёв воевал два года, получил чин хорунжего. В 1770 году его часть была направлена на зимние квартиры на Украину в район Елизаветграда (там через полтора столетия будет метаться на тачанках батко Махно). В селе Голая Каменка хорунжий Пугачёв «весьма заболел. Гнили у него грудь и ноги», как он показал на допросе в тайной экспедиции в Москве 4 ноября 1774 года. Ему было 28 лет, когда он заболел. Его отпустили временно на Дон с командой казаков, направляющихся для покупки лошадей. Через три недели казаки возвращаются обратно на Украину, а Пугачёв не может. «За означенную своею болезнью в тот поход идти не мог, а вместо себя нанял он Лозуновской станицы казака Бирюкова, коему он за то дал две лошади с сёдлами, саблю, бурку, зипун синий, харч всякой и денег 12 рублёв, а сам он, Емелька, остался в доме своём и лежал болен ногами и грудью». Пожилые станичники, приходившие навещать больного, советовали ему ехать в Старый Черкасск в войсковую канцелярию и просить отставку. В мае 1771 года Пугачёв взял паспорт у атамана родной Зимовейской станицы и на собственной лодке пустился в путь вниз по Дону. Больной к начальству поплыл.

В Черкасске Пугачёв остановился у казачьей вдовы Скоробогатовой, с сыном которой он служил на турецком фронте. Войсковая канцелярия отказала Пугачёву в отставке. Ему предложили лечь в лазарет, но он не согласился и решил лечиться «на своём коште». Очевидно качество обслуживания в лазарете его не удовлетворяло. Скоробогатова посоветовала ему народный способ. Осмотрев его раны, она рекомендовала лечиться «лёгкими из убитых баранов». «По коим словам, он, покупая лёгкое, три дня к ногам прикладывал, отчего и стало ему несколько легче».

Вот такая история заболевшего солдата Емельяна Пугачёва. Ему идёт 29-й год. Раз стало легче, он решает навестить сестру Федосью, переселённую вместе с мужем Павловым в Таганрог ещё в начале турецкой войны. Зять и сестра обрадовались гостю. Фамилия мужа сестры – Павлов. Он тоже казачьего войска и служит. Служить тяжело, жалуется Павлов, выстраивая свою немецкую вертикаль власти, правительство Екатерины уничтожило казачьи вольности... «Старшин нет, а заведены вместо оных ротмистры и полковники, и совсем уж не так с казаками поступают, как на Дону. А к тому же здесь лесу нет и ездят за ним недели по две, отчего многие казаки бегут». И тут Павлов говорит Пугачёву, что сам уже согласился бежать вместе с четырьмя казаками в Сечь Запорожскую. Пугачёв не одобрил планов зятя и предложил ему бежать на Терек. «Там наши семейные живут, а сверх этого тамошнему атаману Павлу Михайлову дан указ, чтобы таких тамо принимать...» То есть власть до такой степени выстроила свою немецкую вертикаль, что стало жить невозможно, ни на Дону, ни в Таганроге. Подальше бежать надо.

Пугачёв взял сестру и отправился с ней домой в Зимовейскую станицу, договорившись с Павловым, чтобы он бежал на Терек через пару недель. Но Павлов поторопился и уже через

несколько дней нагнал Пугачёва с сестрой. И тем загубил всё дело, зачем-то увязавшись с ними в Зимовейскую, плюс с ним бежали ещё трое казаков. Пугачёв не согласился бежать на Терек, лишь перевёз Павлова с казаками на другую сторону Дона. Павлов дороги на Терек не нашёл и через три недели возвратился в Зимовейскую станицу, где его повязали, а на допросе он оговорил Пугачёва.

Всё это известно до деталей благодаря протоколам допросов тогдашних чекистов тайной экспедиции, снятых с самого Пугачёва и обвиняемых по его делу после подавления восстания. Вот как Пугачёв стал вдруг беглым солдатом. Пугачёв, сев на лошадь, бежал из дому «и шатался на Дону по степям две недели. А как стало ему скушно, да и хлеб весь съел, то приехал ночью в дом свой».

От жены он узнал, что его разыскивают, что мать его арестовали и вместе с Павловым повезли в Черкасск. Желая оправдать себя перед войсковым начальством и выручить из-под ареста мать, Пугачёв «тот же день» поехал в Черкасск. Он опередил арестованных и явился в войсковую канцелярию, где и предъявил паспорт войсковому дьяку Колпакову. Всё, казалось, было хорошо, но уже на второй день в Черкасск привезли мать Пугачёва и Павлова. Пугачёв вынужден был тайно уехать из Черкасска в Зимовейскую. И был арестован.

Через две ночи ему удалось бежать. Двое суток он «лежал в камышах и болотах». На третий день (невероятно!) пришёл в дом свой и прожил здесь почти до конца года. «В доме же его не сыскивали, – объясняет он в протоколе, – что не могли старшины думать, чтоб, наделав столько побегов, осмелился жить в доме же своём». В конце декабря 1771 года Пугачёв оседлал лошадь и уехал на Терек, сказав своей жене, что «коли ево тамо примут, то он за нею приедет». Мать Пугачёва умерла в тюрьме города Черкасска в следующем 1772 году.

Вот так началась эпопея беглого казака Пугачёва. А что он, собственно говоря, сделал плохого? Десять лет тянул службу, воевал, заболел, хотел уйти в отставку, не пустили. Поговорил с зятем, что хорошо бы сбежать от власти на Терек? Уйти в глухие, далёкие места, где местная административная власть была слаба, или её вовсе не было. Туда же от преследований уходили и раскольники, и бежали от помещиков самые отчаянные крепостные. Интересно, что за сто лет до этого, во времена первых Романовых, глухие и далёкие места ещё находились в верховьях Дона в Белгородской и Воронежской областях. Восстание во главе со Степаном Разиным началось с того, что царские воеводы наезжали в казачьи крепостцы, пограничные городки на Дону, отлавливать беглых, а там большинство были беглые. Оттого вся каша тогда и заварилась. «Реестровых», значащихся в списках, было немного, основная масса защитников отечества на этих пограничных с Диким полем, с Востоком землях были беглые. А их приехали воеводы с командами хватать. Тогда началось Разинское восстание. Не крестьянская война, а война чёрных людей, черни, – с воеводами и «большими людьми». И вот, через сто лет, глухие места откатились дальше. На речку Терек и на речку Яик. Там ещё, казалось, можно укрыться.

География приближает прошлое, делает его своим. В январе 1772 года Пугачёв появился на Терек. Он посещает три станицы, где живут донские казаки-переселенцы. Галючаевская (то есть Галюгаевская), Ищорская и Наурская. (Последние десять лет названия этих станиц не сходят со страниц газет). Галюгаевская, на территории Ставрополя у границы с Чечнёй, входила в Георгиевский избирательный округ, где я был кандидатом в Депутаты Государственной Думы на довыборах в 1997 году. Две другие станицы находятся на территории Чеченской республики. Прибыв на Терек, Пугачёв ведёт себя законопослушно. Отдохнув с дороги в станице Ищорской, отправляется в Дубовскую станицу, где представляется атаману Терского Казачьего войска Павлу Татаринцеву и заявляет, что прибыл в прошлом году с донскими казаками для поселения на Терек, ну врёт немного. Он просит Татаринцева записать его в Терское семейное войско и через некоторое время приезжает в Ищорскую станицу к вновь поселённым своим землякам, где и остаётся на ПМЖ.

Возможно, его бы там никогда не отыскивали или отыскивали бы нескоро, но у человека был темперамент, толкающий его на всякие предприятия. Потому, когда на сходе трёх станиц, всё тех же Галюгаевской, Ищорской и Наурской, «старики согласно просили его, Пугачева, чтобы он взял на себя ходатайство за них о испрошении им в Государственной Военной Коллегии к производству денежного жалования и провианта против Терского семейного войска казаков». (В переводе на современный язык это значит, что поселенные донские казаки получили меньшее жалованье, чем терские старожилы и послали Пугачёва, чтоб он хлопотал о получении ими жалованья, равного жалованью терских казаков.) Пугачёв согласился.

И беглый 8 февраля двинулся в Санкт-Петербург. Казаки собрали ему на расходы 20 рублей и вручили ходатайство от трёх станиц. Ещё зачем-то тайно сделали печать Войска Донского из свинца и вручили ему. 8 же февраля он прибыл в Моздок, где закупил себе на дорогу «необходимую харч». При выезде из города «за рогаткою» (то есть на КПП по-современному) он был задержан постовыми казаками и привезён в Моздокскую комендантскую канцелярию. На допросе он признался, что он беглый с Дону казак. Ходатайство, печать, деньги, а так же пашку, лисий малахай и кушак у него отобрали, а самого заковали в кандалы...

Далее можно вернуться к информации «Коммерсанта» от 22 февраля 2002 года. «Следователи считают, что именно он застрелил двух военнослужащих из Моздока, найденных убитыми в тот вечер, когда он бежал из части. Предполагается также, что в Георгиевском районе дезертир...». Правда, хорунжий Пугачёв был арестован в Моздоке 8 февраля 1772 года, то есть, за 230 лет до того, как дезертировал военнослужащий Хозеев. Из Моздокской каталажки Пугачев бежал через пять дней, ровно 13 февраля (день в день что и Хозеев, но через 230 лет), сманив в побег своего караульщика солдата Лаптева. Он узнал, что Лаптев не желает служить и согласен бежать. Вот так поглядели друг на друга, поговорили и сбежали. Лаптев не желал служить отчего? Тоже «дедовщина» в 1772 году? Возможно. Хе...во, значит, было, плохо служба протекала, начальство, наверное, избивало, жрать было нечего, работать много заставляли. Жалованья, наверное, никакого не платили. Ушли солдаты, Пугачёв в нужник попросился. Плац-майор с чекистской фамилией Повескин написал моздокскому коменданту Иванову рапорт о побеге в тот же день. «Приметами казак: лицом смугловат, волосы стриженные, борода небольшая, обкладистая, чёрная, росту среднего; в синем китайчатом бешмете, в жёлтых сапогах... Оной же казак содержался на стуле с цепью и с замком, которое стуло оставил у нужника с тремя цепочными звеньями; а три звена и замок снёс с собою». Стуло – для тех, кто не знает – это тяжеленная колода, наверное, ядер на всех не хватало, к ней Пугачёв был прикован. А Лаптев цепь ему перекусил чем-то или перерубил. Должно быть.

Пугачёвские злоключения продолжаются. Такой вроде уже опытный, а сбежав он пробирается куда же? Домой. Как последний лох. Жена рассказала жене брата, а та сообщила атаману. Опять арест. Колодки. Однополчанин в станице Цымлянской казак Лукьян Худяков подсобил, и Пугачёв бежит опять. Вспоминает о Бендерах, где воевал. Якобы можно уйти туда, якобы там селят пришлых. С чужим паспортом, с пацаном Антоном, – сыном раскольника-хуторянина, Емельян едет в Бендеры, но по дороге узнаёт от проезжающих «разного звания людей», что под Бендерами селиться не разрешают. Он с Антоном оказывается в Кременчуге. Ясно, что Пугачёв всего-навсего ищет, где бы приткнуться, осесть и жить себе мирно и тогда жену привезти из Зимовейской и троих детей (у него сын и две дочери там остались). Но Россию уже захомутали и запрягли в железные немецкие дисциплинарные объятия. Её всю контролируют, Россию. В Кременчуге какой-то русский офицер отобрал у них (Пугачёв с пацаном Антоном) лошадей, деньги и паспорта. Деньги – 50 рублей дал отец Антона – хуторянин раскольник, старик, потому что он тоже хочет бежать со своего хутора на Украину. Все хотят бежать от трижды ё...го государства Екатерины! (В её крепости я сейчас сижу и шкурой понижаю, что это все как один день, эти 230 лет – на улице те же пугачёвские денёчки. Я сижу в этой ср...ой букве «К». Хозеев, Моздок, Пугачёв, КПП, рогатка, все мы кружимся в этой чер-

товской метели вечного государственного насилия! И я был даже в Зеленокумске!). Фамилия у старика раскольника что ни на есть самая мирная – Коровка! Коровка тоже хочет бежать, «здесь нашей братии раскольникам жить нельзя. Вот я за крест и бороду страдал в Белгороде с сыном семь лет». Какой-то русский офицер взял и отобрал всё у пацана и беглого солдата. Звание офицера неизвестно. Неудивительно, что во время восстания – через год уже, Пугачёв будет рассылать такие призывы: «Содержащихся в тюрьмах и у протчих хозяев имеющихся в неволе людей всех без остатку на нынешних месяцах и днях (чтоб) выпускали. Если будут оказываться противники, таковым – головы рубить и кровь пр оливать...»

«Боярин, генерал, майор, капитан или другие, – говорится в другом документе Пугачёва, – голову того рубите, и имущество того грабьте».

Спустя 230 лет я гадаю, майор это был или капитан, ограбивший Емельяна? Тридцать лет было беглому солдату. О гниющих ногах и груди он уже, кстати, и не вспоминает. Бежит, занят бегством.

И вокруг него все бегут. И помогают друг другу бежать. Пугачёв с Антоном идут пешком к скитнику Василию в Стародубский монастырь и живут там два месяца. Василий научил Пугачёва пойти в Польшу, близ Гомеля, и потом под видом русского выходца из Польши войти в Россию через Добрянский форпост. То есть опытные люди знают, что делать, существовала в противовес гнёту немецкого государства сеть народного сопротивления. Давали друг другу адреса, помогали. Скитника Василия рекомендовал старик Коровка. Пугачёв, следуя совету, идёт в Польшу, возвращается и заходит через Добрянский форпост. Здесь ему назначили карантин на шесть недель. В карантине Пугачёв задружился с беглым гренадёром Семёном Логачёвым. Ещё один беглый солдат.

Ситуации, в которые попадает Пугачёв, убегая, оказавшись в положении вне закона, все совершенно современные и актуальные сегодня, лишь кое-чем отличаются. Сидя в карантине, – это не значит, что они сидят. Они ходят подработать к известному на Добрянке купцу-раскольнику Кожевникову.

По окончании карантина Пугачёв с Логачёвым явились к начальнику форпоста и заявили, что желают поселиться на реке Иргизе, в Малыковской волости, Симбирской провинции. Как раз там, где два беглых десантника из 31-й Ульяновской бригады Шагеев и Сухоруков бежали, чтобы стать киллерами в организованной преступной группировке (так, во всяком случае, сослуживцы говорят). В тех местах разыгралась их трагедия. Получив 12 августа 1772 года паспорта, Пугачёв и Логачёв зашли попрощаться к Кожевникову. Тот дал им на дорогу каравай хлеба и рубль денег и, главное, адресок, просил сыскать игумена Филарета, поклониться ему, и поведать о себе всё, ибо Филарет «не только даст совет, но и поможет».

Это уже Пугачёв вышел на прямую – идёт к местам своих подвигов, ближе к реке Яик, яицким казакам, к местам, где начнётся Великая война его против тех, от кого он бежит.

Проехав мимо Камышина и Саратова, Пугачёв и Логачёв в последних числах ноября 1772 года прибыли в дворцовое село Малыковку, ныне город Вольск. Они явились к здешнему управителю и предъявили паспорта. Пугачёву было предложено ехать в Симбирск и там записаться. Но в Симбирск Пугачёв явно не спешил. Возможно, боялся, что откроется, что он беглый. Он уехал в Мечетную слободу к игумену раскольниковых скитов на Иргизе старцу Филарету Семёнову. Именно Семёнов рассказал ему о самозванце – беглом крестьянине Богомолове, выдававшем себя за императора Петра III, только что в июне из-за него в Царицыне начался бунт, комендант города был ранен. Семёнов же рассказал о том, что в январе бунтовали яицкие казаки. Яицкие же казаки, – объяснил Филарет Семёнов и сделал Пугачёву небольшой исторический экскурс – образовались потому, что начало этому войску положили донские казаки и крестьяне, убежавшие из центральной России на реку Яик где-то в середине 16 века. До середины 18 века яицкие казаки жили более или менее мирно с правительством, которое не вмешивалось во внутреннюю жизнь казаков. Ещё при Михаиле Фёдоровиче им разрешено было

пользоваться рекою Яик «с вершины и до устья, и впадающими в неё реками и протоками, рыбными ловлями и звериною ловлею, а равно и солью беспошлинно, также крестом и боро-дою». В обмен казаки несли сторожевую службу и принимали участие в военных походах при Михаиле, Алексее Михайловиче и Петре I. Так с 1628 по 1717 год яицкое войско совершило более двадцати походов.

(Казаков было немного, где-то 4200 мужских душ (это без семей), к тому времени, когда появился Пугачёв в городке Яик.) Первое время, когда войско было сравнительно малочислен-ным, а контроль центральной власти слабым, казаки охотно принимали в свою общину всяких беглых людей. Но с течением времени приём беглых был строго запрещён, и они находились у зажиточных казаков на положении батраков, скрываясь от преследований правительства на степных хуторах. С усилением центральной власти правительство стало постепенно урезать казачьи вольности. Из Петербурга и Оренбурга в Яицкий Городок стали наезжать чиновники, генералы и следователи. Казаки долгое время не очень понимали, что происходит. Казаки делились на казаков «войсковой руки» – это казачья масса, или «непослушную сторону», как официально называло их правительство, и «старшин» – послушную сторону. Они посылали в Петербург делегации с подарками. Только после того, как правительство приняло ряд крутых мер к уничтожению старинных порядков, казаки взяли 13 января 1772 года за оружие. Меры же были следующие: 1) запрещение выбирать атамана в кругу по общему согласию войска. Отныне правительство будет назначать казакам атамана, а он будет назначать командиров без выбора и согласия казаков; 2) комплектование отряда из казаков для похода на Кавказ; введе-ние очерёдности в отбывании службы в Кизляре, где постоянно находилось 500 человек, нани-маемых самими казаками; 3) ссылка в Тобольск главы партии рядового казачества Логинова; 4) запрещение казакам отлучаться из пределов войска без разрешения войсковой канцелярии. Ко всему к этому добавились ещё злоупотребления войскового начальства – частые штрафы, аресты, применение телесного наказания к казакам. В это время в Яицком городке находилась следственная комиссия во главе с генералом Траубенбергом. Он ничего лучшего не придумал, как стрелять по мирному собранию казаков.

Вы отметили Кизляр, где, меняясь, как нынешние военнослужащие в Чечне, должны были служить казаки, а они вместо себя нанимали желающих служить за деньги контрактни-ков того времени? То есть выясняется, что 230 лет – это вовсе не бездна времени, а совсем немного, скажем, четыре человеческих срока по 60 лет. Выясняется, что ничем мы особен-ным не отличаемся. Ну, ездили на лошадях, но, как видим, это не сдерживало человеческую подвижность, от Пруссии и Польши до самого Казахстана (теперь земли яицких казаков доста-лись Казахстану) бегали простые солдаты, казаки, крепостные. Воевали в Кизляре, Я сидел в сентябре-ноябре с чеченом Алхазуровым, его судили за вторжение в Кизляр.

13 февраля яицкие казаки ответили на стрельбу. Петербургский генерал Траубенберг был убит, а также атаман Тамбовцев, старшина Колпаков, два офицера, войсковой дьяк и писарь, несколько гренадёров аз команды Траубенберга, вся артиллерийская прислуга и отдельные казаки «старшинской партии».

Ответ правительства не заставил себя ждать. В Петербурге арестовали посланных после восстания яицких депутатов, и в мае 1772 года оренбургский губернатор Рейнсдорп прислал карательные войска под командой генерала Фреймана. Стоит заметить, что внедряли новый немецкий порядок на востоке именно немецкие генералы. Генерал Фрейман разбил казаков, и они с семьями бежали на бухарскую сторону Яика, собираясь бежать в Персию или в Хиву, но не осуществили своего замысла. Фрейман вступил в Яицкий Городок 7 июня 1772 года. 46 человек, «главные зачинщики бунта», были арестованы и направлены в Оренбург, в след-ственную комиссию. По личному распоряжению немки Екатерины (я вспоминаю её каждое утро, просыпаясь на шконке в верхнем отростке буквы К – вот здесь, эту суку!) войсковая изба была уничтожена, а казачий круг распущен. Набатный казачий колокол был снят. Войско

было подчинено военно-комендантской канцелярии. Комендантом городка был назначен полковник Симонов, который в дополнение к тем 46 стал непрерывно арестовывать яицких казаков и отправлять их в Оренбург, «до того, что в тюрьмах Оренбурга не доставало места, почему вынуждены были рассадить их по лавкам гостиного и менового дворов». Допросы производились с применением неслыханных истязаний. Казаки, оставшиеся в городке и разбежавшиеся по степным хуторам, страшились за свою судьбу и судьбу своих семейств.

Вот в такой затерроризированный Яицкий Городок в последних числах ноября 1772 года и явился Емельян Пугачёв. Во Франции остаётся 17 лет до Французской революции. Четыре года остаётся до Декларации Независимости Североамериканских Штатов. Ещё жив Вольтер и умрёт только в 1778 году, через шесть лет. Метёт снежок, и к избе раскольника казака Дениса Пьянова подъезжают двое саней. В одних санях Пугачёв, в других некто Филиппов, они вместе приехали из Малыковки (ныне город Вольск). В избе у Пьянова, за обедом, в ответ на жалобы Дениса на репрессии и притеснения со стороны правительства Пугачёв говорит вдруг: «Не лутче ль Вам выйти с Яику в Турецкую область на Лобу реку...» Как видим, даже здесь ещё Пугачёв советует лишь бежать от правительства. Филиппов слушает и на ус мотает. Через восемь дней, когда они возвращаются в Малыковку-Вольск с возами, груженными рыбой, Филиппов сделал донос на Пугачёва. Пугачёва арестовали и под «жестоким мучением» допрашивали. В последних числах декабря его перевезли в Симбирск (куда, помните, он не спешил ехать), а из Симбирска – сразу в Казань, куда он был привезён 4 января 1773 года. Пугачев лежал в одних санях, заклёпанный в ручные и ножные кандалы и привязанный к саням цепью, в двух других санях сидели три беглых женщины и два беглых рекрута... Началось расследование. Казанского губернатора звали Брандт...

В Казанском остроге Пугачёв познакомился с купцом Парфёном Дружининым, содержащимся, как сейчас сказали бы, за «экономическое преступление», за растрату казённой соли. Вдвоём они обратили внимание на караульного солдата украинца Мищенко. Наблюдательный Пугачёв смеючись спросил: «Што, служивый, служить ли ты хочешь, аль на волю бежать хочешь?» Оказалось, что Мищенко давно бы бежал, да не знал, куда бежать. «Видишь, стал от своей стороны далеко» – сказал он, имея ввиду Украину. В результате разговора Мищенко дал согласие. В конце мая Пугачёв, Дружинин и Мищенко бежали. Пугачев стал пробираться к Яицкому Городку, заехав по пути к Филарету...

17 сентября 1773 года Пугачёв во главе отряда, состоявшего из 70-ти вооружённых казаков и калмыков, с распущенными по ветру знамёнами – они их сшили сами! – выступил с хутора братьев Толкачёвых в направлении Яицкого городка. Народная война началась.

«Мне не надлежало теперь ещё являться, да не мог я вытерпеть притеснения народного, по всей России чернь бедная терпит великие обиды и разорения, для неё-то я и хочу теперь показаться», – так говорил Пугачёв казаку Кожевникову перед восстанием.

Усмиритель Пугачева, генерал Бибииков, прежде чем отправиться на подавление восстания (Пугачёв уже успел разбить первого усмирителя генерала Кара), поинтересовался настроениями черни: крестьян, холопов, фабричных. «Теперяшнее же правление, – говорят крестьяне, а записал Бибииков, – им несносно, ибо де большие бояре награждаются деревнями и деньгами, а им никакой льготы, но только большие тяготы по причине войны (турецкой) как-то: рекрутские поборы и разные подати, кои должны платить и государю и помещикам, и что для перемены своего состояния пришло им метаться в воду. О воинских же командах, следующих для истребления злодея, говорят, что де всё это понапрасну, все де солдаты лишь только придут, то будут ему (Пугачёву) служить, вить и их житьё не лучше крестьянского». Ещё Бибииков отметил, что в Москве «холопы и фабричные, и вся многочисленная чернь московская, шатаясь по улицам, почти явно оказывала буйственное своё расположение к самозванцу, который, по словам их, несёт им желаемую свободу».

Уже в первом отряде Пугачёва были калмыки. Пугачев приглашал в свою армию «башкирцев, калмыков и мухаметанцев». Пугачев «разослал в ближайшие места указы свои, извещая о явлении своём и обольщая народ вольностию, свободою от платежа податей, также крепостом и бороною и всякими выгодами... <...> приказывая набирать народ на службу в его толпу, почему народ, прельщаясь на сказанные выгоды со всех сторон стекался в нашу толпу, и в короткое время одних башкирцев пришло к нам тысячи с две, а крестьян – великое множество». Хороший пример солидарности бедняков различных национальностей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.